

Недавно я был в Киеве на кинофестивале «Свободная зона» и, встретив живущего там В. Криштофовича, передал ему привет от Маши Голубкиной. А он не без страха поинтересовался, не корит ли она его за то, что стала актрисой?

Когда она появилась совсем еще девочкой, ученицей девятого класса, в его «Ребре Адама», всем сразу же стало понятно, что произошло рождение актрисы. За исполнение роли в этом фильме Маша получила одну из наград престижного актерского фестиваля «Созвездие». Очевидно, в семье Ларисы Голубкиной и Андрея Миронова эта судьба предначертана была ей свыше.

Сейчас Маша — студентка четвертого курса Училища имени Щукина. О ней не забывает и кино, в котором она сыграла еще несколько главных ролей.

— Так это правда, что именно Криштофович открыл тебя для «мирового» кинематографа?

— На его фильме редактором была жена Григория Горина. Люба, которая, как я понимаю, внесла это неожиданное для всех и для меня самой предложение. Я ребенком, в отличие от других артистических детей, почти не крутилась на съемках. Люба могла меня видеть только дома и решила, что моя хулиганская физиономия подойдет в кино.

— Тебе хорошо работалось первый раз?

— Да я была дурой, мало что понимала, капризничала, хотела, чтобы мной больше занимались! В одном месте я поступила правильно и принципиально: не стала раздеваться по ходу сюжета. Решила, что я не актриса, а школьница, и профессия меня не обязывает раздеваться по требованию режиссера. Мама была со мной согласна.

— Из тех, с кем ты работала в кино, с кем у тебя складывалась работа?

— С Криштофовичем складывалась, но мне великие кинорежиссеры еще не попадались, а из тех, у кого я снималась, мне трудно выделить самого интересного, потому что я не очень много еще поняла про специфику кинорежиссуры. Театральную режиссуру я понимаю лучше и больше могу судить о квалификации и талантливости режиссера.

— Откуда? Ты же в театре еще тоже не работала с большими режиссерами?

— Зато у меня в институте педагоги отличные: вот Казанская, был Ю. Катин-Ярцев...

— Педагоги тебе амплу навязывают?

— У них есть свой взгляд на меня.

— А ты что хочешь играть?

— Я хотела бы сыграть Соню в «Дяде Ване» или Катерину в «Грозе», мне же дали играть Шуру в «Егоре Булычове».

— Значит, тебе хочется трагедии?

— Хочется трагедии и комедии, а меня тянут в эту лирику.

— Какие ты свои данные ценишь как свою уникальность, отличающую тебя от других актрис?

— Я очень обаятельная. Раз! Я не совсем курица. Два! Я читаю книжки. Три! Музыку хорошую слушаю, кино смотрю, театр...

— Нашла тоже уникальность...

— Я отчаянная, могу на лошади верхом, могу с шестом прыгать...

— Почему с шестом?

— Если надо, почему же не прыгнуть?

— У тебя лицо лирической героини с разбойничьими наклонностями...

— В театре мне предлагают как раз что-то бандитское, а в кино почему-то какое-то «сю-сю».

— Мама тебя очень критикует?

— Бывает... Но это не так просто. Когда она очень раскритикуется, я ее спрашиваю: «Чего-о?! Ты мне мать или кто?». Скажу правду: я с ней не очень советуюсь по поводу работы, скорее, жду одобрения, чем совета. А папе, я думаю, моя работа не очень понравилась бы. Мне кажется, что он не был бы особенно рад, что я стала актрисой.

— Папа строгий был?

— Я его боялась, хотя понимала, что он сердится не всерьез, что это воспитательный прием. Папа был непогрешим, это был эталон поведения и отношения к делу. Мне всегда его ставили в пример.

— Что ты из такой семьи, тебе это не облегчало жизнь?

— Нет, напротив, это безумно раздражало, если только не надо было просить билеты куда-нибудь. Этакая коммунистическая школа.

— Маша, чем ты сейчас живешь?

— Люблю «Щуку», дом, очень люблю маму, профессию, друзей. Живу надеждой на лучшее для всех нас, для близких и для себя.